

долгия «минуты» всё тѣ неумолимыя и неустрашимыя вѣданы, которыя господствуютъ въ общемъ ходѣ событий современной исторіи?

Кто изъ насъ не волновался эти дни, слѣдя за тѣмъ, какъ въ Autenil или въ Longchamps на скачкахъ—вообще, какъ я думаю, не особенно насъ интересующихъ—происходили столкновения бѣлыхъ и красныхъ цѣтковъ; и за любовитною эволюціею парижской полиціи, безцеремонно и безпристрастно осыпанной ударами вечеромъ тѣхъ самыхъ социаллистовъ и радикаловъ, которые еще утромъ готовы были драться и действительно дрались за глѣзу буржуазной республики?

Кто изъ насъ не хваталъ съ истеричіемъ вчера и сегодня газеты, чтобы скорѣе узнать, рѣшенъ ли вопросъ о паденіи министерства Дюпона, и кто рѣшается взять на себя трудную роль быть его преемникомъ?

А сквозь этотъ поверхностный слой сегодняшнихъ насущныхъ вопросовъ Парижа, сегодняшнихъ жгучихъ, но мистичныхъ заботъ, проглядываетъ для насъ, русскихъ, уже совсемъ другое: даже въ бѣглыхъ разговорахъ съ пріятелями французами вамъ приходится, вѣроятно, нѣредко отвѣчать на повторяющіеся вопросы: что это дѣлается у насъ въ Россіи? Какой действитель-

ный смыслъ имѣетъ тотъ странный фактъ, что глава этого бюрократическаго и милитарнаго государства, въ эти же самые дни, объявляетъ въ оффиціальное торжественное чествованіе писателя, если и не боровшагося въ действительности противъ абсолютизма, тѣмъ не менѣе провозглашавшаго своимъ идеаломъ «равенство и свободу», идеалъ не очень то гармонирующій съ господствомъ абсолютизма? Да, для многихъ можетъ казаться страннымъ, что бюрократизмъ, — подвергающій тяжелому гнету и литературу, и университетъ, изгоняющій изъ нихъ студентовъ и однимъ почеркомъ nera беззастѣнчиво отбрасывающій все реальное значеніе финляндской конституціи, которую онъ обязался охранять, — посылаетъ привѣтственную телеграмму собранію представителей русской науки и литературы, которое по самому существу—даже противъ собственной воли — представляеть элементъ оппозиціонный бюрократическому произволу. — Какъ ни увлекается тотъ или другой изъ насъ судьбою Дрейфуса или Дергуада, политическими событиями въ палатѣ депутатовъ или на улицахъ Парижа, но всё мы — я увѣренъ въ этомъ—сладимся съ тревожною тоскою за всѣмъ, что совершается у насъ на родинѣ. А какъ только мы произне-